

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ЭМИГРАНТСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЕКСАНДРА СТЕСИНА)

Иван Посохин

Кафедра русистики и восточноевропейских исследований
Философский факультет
Университет Коменского в Братиславе (Словакия)
ivan.posokhin@uniba.sk

UDK: 314.151.3*
821.161.1.09 Stesin, A.*
81.255.4:81'38
Izvorni znanstveni rad
Primljen: 21.06.2024.
Prihvaćen za tisak: 04.02.2025.

В настоящей статье речь пойдет о некоторых подходах к интерпретации русскоязычного эмигрантского текста, которые будут проиллюстрированы примерами из произведений Александра Стесина (*Нью-Йоркский обход*, *Птицы жизни* и *Троя против всех*). Александр Стесин, поэт и прозаик, который в детстве эмигрировал из СССР, не выбрал в качестве доминирующего языка творчества язык принимающей страны (английский), в отличие от многих писателей-сверстников в схожей ситуации, а создает свои основные прозаические произведения на русском языке. При этом его произведения в значительной мере тематизируют промежуточное состояние и перипетии адаптации русскоязычного иммигранта в Северной Америке. Основной акцент в статье будет сделан на анализе проявлений особой, расщепленной иммигрантской идентичности в литературном тексте, а также на идентификации случаев экзотизации как семиотической операции в построении текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *идентичность, Стесин, экзотизация, эмигрантская литература, эмиграция из России*

Современные эмигрантские тексты, создаваемые писателями, покинувшими СССР/Россию в последние десятилетия XX века в детском или относительно молодом возрасте (Гари Штейнгарт, Дэвид Безмозгис, Лара Вапняр, Владимир Каминер, Александр Стесин и др.), представляют собой примечательный объект исследования, так как в них находят отражение особая писательская идентичность, особый подход к языку и способам художественного изображения окружающей действительности. Одновременно с этим творческий опыт именно этого поколения писателей довольно сильно отличается от опыта хрестоматийных трех волн русской эмиграции. В сравнении с последними, это поколение писателей в меньшей степени стремится свой взгляд на отъезд и переживание

разрыва с родиной, перенаправляя его на опыт существования в новой среде, на опыт теперь уже русскоязычных иммигрантов в США, Германии, Израиле, Австрии и т. д.

Объединяющим фактором для этого поколения писателей становится не столько сам факт их условно русского происхождения, сколько использование этого происхождения самими авторами, их издателями, а также то, как они воспринимаются аудиторией благодаря/ вопреки своему происхождению. Можно сказать, что *русскость* стала для них своего рода символическим капиталом, писательской стратегией, которую такого рода писатели использовали для экзотизации своих текстов. Данная экзотизация прослеживается и в издательской политике, когда авторов представляют русскими, несмотря, например, на другой язык произведений (Брейнингер 2014), а на обложки книг помещают матрешек, водку, балалайки и купола православных соборов.

Упомянутую экзотизацию в случае эмигрантского текста вполне можно рассматривать с той точки зрения, с которой она рассматривается в теории перевода. Ольга Матич сравнивает эмиграцию с *остранением*, утверждая, что неизбежные потери, связанные с отъездом с родины, компенсируются открытием новых перспектив (Матич 1996: 160). Одним из следствий такого состояния является некое двойное сознание или, в терминологии фотоискусства, двойная экспозиция, когда один «кадр» накладывается на другой. В художественном тексте эта двойная экспозиция может проявляться на нескольких уровнях, наиболее очевидные из которых – лингвистический и тематический, а также уровень пространственно-временной организации текста. Она реализуется в столкновениях и контрастах прошлого и эмигрантского настоящего, в моделировании и оценке реальности нового дома через призму доэмигрантского опыта, в языковых трансформациях в местах столкновения родного языка и языка принимающей культуры. В этом контексте на первый план выходят два ключевых и взаимосвязанных фактора: язык произведений и потенциальный адресат этих произведений. Из истории трех волн русской литературной эмиграции мы знаем примеры разных языковых стратегий. С одной стороны, писатели изолировались от принимающей культуры, творили в своем собственном мире и адресовали свои произведения либо эмигрантскому сообществу, либо воображаемой аудитории на родине (например, Солженицын). С другой стороны, можно наблюдать гибридную стратегию открытости новому окружению через двуязычное творчество либо попытку одновременного перевода произведений с русского (Довлатов, Аксенов) и, наконец, переход на язык принимающей культуры (Набоков). Каждая из этих стратегий предполагает своего

адресата и его культурный фон, поэтому можно смело утверждать, что в текстах, созданных эмигрантами, часто присутствует та или иная форма перевода. Как утверждает Светлана Бойм, «кросс-культурный успех в диаспоральном пространстве, отличном от родного, – это успех культурного перевода» (Бойм 1999). И как в любом переводе, в текстах есть явления, которые усложняют передачу смысла для переводчика, который в данном случае является еще и автором. Поэтому переводчик может (сознательно или бессознательно) фамилиаризировать свой текст, изображаемые факты и ситуации, создаваемые образы и художественные детали или, напротив, подчеркивать их необычность, странность, затруднять или делать невозможным их автоматическое узнавание (распознавание), тем самым экзотизируя текст. Антон Попович также утверждает, что экзотизация может выступать как семиотическая операция в построении текста, и как таковая может проявляться и в текстах оригинальной литературы (Попович 1980: 197). Именно эту форму экзотизации я и рассматриваю ниже, опираясь на произведения Александра Стесина и ища ее в элементах, которые сигнализируют или могут сигнализировать читателю, что текст был написан в ситуации эмиграции (иммиграции, диаспоры) и что этот факт имеет фундаментальное значение для общего понимания произведения, конфликтов и перипетий его героев.

Александр Стесин (род. 1978) – поэт, прозаик, публицист, врач-онколог и путешественник – родился в Москве, но с 1990 года живет в США, куда его семья переехала на излете третьей волны эмиграции из СССР. В США Стесин окончил литературный факультет Университета в Буффало и курсы по французской литературе в Сорбонне, затем, однако, переквалифицировался во врача (Стесин 2014). В его ранней литературной биографии интересен эпизод, который предопределил выбор языка и стал своего рода общим местом в биографических текстах о Стесине. Здесь я позволю себе частично перефразировать, частично процитировать большое интервью, которое писатель дал portalу «Медуза» в 2020 году. Стесин с раннего подросткового возраста оказался полностью погруженным в англоязычную среду, но смог сохранить свой русский язык в той мере, чтобы использовать его как язык творческой реализации. Но, как он отмечает, «в какой-то момент я все-таки язык не то чтобы окончательно потерял, но он у меня сел довольно сильно» (Лащева 2020). Учась в школе, Стесин отправил несколько своих стихов Иосифу Бродскому, с которым ему затем довелось поговорить по телефону, причем Бродский позвонил ему сам. Разговор заставил Стесина пересмотреть свой подход к языку и мотивировал писать по-русски (Лащева 2020).

Несмотря на выбор родного языка в качестве языка творчества, Стесин остается носителем особой – *дефисной* или *гибридной* – идентичности, о которой рассуждают исследователи, рассматривающие творчество постсоветских писателей-мигрантов из СССР/России, уехавших в Северную Америку. В самом упрощенном варианте она выглядит как русско-(северо)американо-(еврейская), причем *гибридность* рассматривается с точки зрения работ постколониального теоретика Х. Бхабхи (Furman 2011: 23). Проблематика гибридной идентичности писателя и его автобиографического рассказчика отражается, например, в романе Стесина *Нью-Йоркский обход*, который вышел в 2019 году в издательстве «Новое литературное обозрение». В тексте рассказчик постоянно апеллирует к своему еврейскому происхождению, на основании чего у его автобиографического героя выстраиваются отношения с другими персонажами или оцениваются какие-либо события, например, в следующих отрывках, в которых еврейство становится различительным маркером в оппозиции Свой/Чужой:

Принц в куфии-арафатке держался не слишком дружелюбно, сразу распознав во мне еврея, однако требовать другого врача не стал и под конец даже расщедрился на коробку засахаренных фиников (Стесин 2019: 46); С недоверьем глядят на студента-медика, думают: свой – не свой? Да, говорю, еврей. И тогда галдят, жалуясь на врача с медсестрой (Стесин 2019: 18).

Находим мы у него и рассуждения, отражающие частую дилемму русскоязычных евреев, которых принимающее общество идентифицировало как русских: *В эмиграции, как известно, все становятся кем-то еще. Русские евреи превращаются в Russians (Стесин 2019: 75).* В целом же его автобиографическому герою свойственен определенный космополитизм и размытые границы собственной идентичности (эмигрант; еврей; американец, пишущий по-русски), открытость новому, порой запрещенному (например, по религиозным соображениям) опыту. Русский компонент как идентичностный маркер проявляется в романе скорее имплицитно, в отсылках на русскую литературу, демонстрирующих культурный фон рассказчика (*Коллеги, кто во что горазд, принимались развивать эту маниловщину (Стесин 2019: 9)*).

В текстах Стесина можно также найти множество проявлений экзотизации на языковом уровне, причем наиболее частым приемом у него становится так называемое *переключение кодов* (code-switching), которое может интерпретироваться как художественное оформление расщепленной языковой идентичности автора-рассказчика, а

также служить для лучшей демонстрации языкового своеобразия внетекстовой реальности, описываемой в произведениях. Для многих старших эмигрантов смена языкового окружения становилась сильным психологическим потрясением, источником постоянной фрустрации в первую очередь на бытовом уровне. У Стесина-писателя, представителя поколения, выросшего в англоязычной среде, подобной реакции, конечно, нет, и для его протагонистов английский также *свой* язык. Естественным становится, однако, влияние англоязычной среды на характер письма. Как отмечает Наталья Черных,

«в его прозе прежде всего бросается в глаза (или на слух) другое отношение к языку, чем у авторов, живущих в отечестве. Вроде бы все чисто и правильно ... Но при этом все же ощущается „другая“ интонация. Так пишут только те, кто много прожил в другой языковой среде, для них элементарный разговор по-русски есть именно разговор по-русски, а не просто разговор: возникает доля рефлексии и чуть повышенный эмоциональный фон, который в отечестве почти невозможен. ... Это „западный“ вариант, сжатый и отшлифованный, как рабочий инструмент. Повествование всегда чуть опережает мысль читателя» (Черных 2018).

Наиболее явным вторжением англоязычной среды становятся рассыпанные по текстам реплики на английском языке, причем вокруг них могут выстраиваться эпизоды, демонстрирующие эмигрантскую невключенность в среду, но уже не автора и его рассказчика, а его персонажей:

Люблю слушать их разговоры в приемной, их английский, исковерканный на особый индийский лад:

– Ramesh will go to New Jersey for buying new car, is it?

– Yes, he will go tomorrow itself (Стесин 2019: 76).

Языковая экзотизация работает и в случае включения в тексты североамериканских реалий (*Я записал телефон на желтый листок «post-it», который затем спрятал в бумажник* (Стесин 2022: 6)), а также служит в качестве инструмента создания речевых характеристик персонажей. В качестве примера можно привести монолог одного из персонажей последнего (и что примечательно – не автобиографического) на данный момент романа Стесина *Троя против всех* (2022):

К моменту их прибытия тридцатипятилетняя Аня прожила в Америке двенадцать лет. «Если хочешь быть саксесфул, –

наставляла она старшего брата, – надо научиться двум вещам: маркетинг и малтитаскинг. Твоя теоретическая физика из нот ин демэнд, ты должен попробовать пробиться в программисты. А на первых порах можно и такси поводить. Вон Аркаша, наш сосед, водил, водил и в конце концов купил медаль на машину. Теперь он – рич. Это тоже надо уметь (Стесин 2022: 25).

В целом языковые контрасты, находящие отражение в текстах Стесина, в определенной мере становятся и объектом саморефлексии его рассказчика, который в автобиографической повести *Птицы жизни* (2020) говорит о том, что ему нравятся изменения, которые претерпевает реальность, когда ее переводят на другой язык и что, возможно, ради этих смысловых изменений он и пишет о своей американской жизни по-русски (Стесин 2020: 12–13). Однако, как и в случае процесса любого другого перевода, этот перевод иммигрантской реальности наталкивается на определенные переводческие трудности. В *Птицах жизни* это заметно в стилистической разнице между планом повествования о детстве рассказчика до отъезда в США, где русский язык Стесина максимально естественен и плавен, и повествованием о студенческом опыте и поэтических началах, где создается впечатление, что русский язык представляет для писателя (или же для его автобиографического рассказчика) определенные трудности для передачи непринужденной манеры беседы бывших сокурсников по американскому университету. Возникает некоторая натянутость и громоздкость фраз, что можно проиллюстрировать рядом эпизодов, в которых нарушается естественный строй высказывания. Так, в тексте Стесина можно найти употребление лексики, которая, с точки зрения стилистического регистра, выбивается из общего контекста либо из-за просторечного, малоупотребительного или устаревшего характера, либо из-за создания эффекта излишней коллоквиализации:

*Я присутствовал при незабываемой сцене, когда этот **ражий** детина, перевоплотившийся в скинхеда (Стесин 2020: 19), правда, цены там не **бросовые** (Стесин 2020: 21), прислуга называет ее сеньорой; она любит **покалякать** с ними по-испански (Стесин 2020: 21).*

Можно здесь встретить и ошибочное словоупотребление, когда речь идет о принимающем экзамен преподавателе, который *проваливает* студента, причем в правильном употреблении студенты сами проваливают экзамены: *Умница Чарльз* (преподаватель – И. П.), *разумеется, понимал: от того, **провалит он Миллеса или нет**, ровным*

счетом ничего не зависит; симулянта выгонят в любом случае (Стесин 2020: 20). Подобные словоупотребления, пусть, возможно, случайные или просмотренные языковым редактором, придают тексту эффект чужести, сигнализируют об определенной оторванности автора от естественной среды использования языка. Эффект подкрепляется и случаями использования средств художественной выразительности (метафоры и сравнения), мотивацией для которых служит *нерусская реальность*. Так, для создания образа используются ассоциации с пейзажем Нью-Йорка: *На подоконнике выстраивался манхэттенский горизонт пустых бутылок* (Стесин 2020: 18). Или, например, в сцене, описывающей южноамериканскую вечеринку, используется сравнение, которое также отсылает к эмигрантскому опыту: *Местная дива, напоминающая торговок с Брайтон-Бич, кусает микрофон, перевирая давно износившиеся мелодии* (Стесин 2020: 23). Примечательно, что можно найти и обратные примеры, когда настолько укорененное в русской разговорной речи слово *училка* переносится в реалии американской школы: *Давно ли сухопарая училка Мисс Симпсон скрипучим голосом объясняла классу, что стихи – это свободный полет, и, стало быть, ни от кого ничего не требуется?* (Стесин 2020: 15). Однако и в этом случае фраза, которая теоретически должна сблизить «реальности» рассказчика и его читателя в «метрополии», снова экзотизирует текст. Тот же эффект достигается и смешением двух сленговых слов в одном высказывании: *Да, пока не забыл: если кто еще не знает, сегодня в **кряк-хаусе менты*** (Стесин 2022: 16).

Таким образом, в написанных на русском языке текстах Стесина экзотизация приобретает иное направление, нежели у других представителей его писательского поколения, которые экзотизируют своей русскостью и еврейскостью тексты, написанные на языках соответствующих принимающих культур. Стесин, наполняя свои тексты американским (а также индийским, африканским) содержанием, дополняя их языковым колоритом, экзотизирует свои произведения для русскоязычного читателя. Способствует этому и сам культурный фон автора: это и врач американской больницы, и поэт с американским литературным образованием, для которого почти все упоминаемые в текстах литературные ориентиры – американские поэты и прозаики, и при этом убедительный рассказчик о перипетиях локальной хардкор-сцены штата Нью-Йорк.¹

¹ Данная статья создавалась в рамках реализации проекта VEGA 1/0586/21 Ruská próza 21. storočia v jej existenciálnych, tematologických a poetologických súradniciach v domácom a slovenskom kultúrnom priestore.

Литература

- БОЙМ, Светлана. 1999. «Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова». *Новое литературное обозрение* 5. <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecz-nostalgii.html>. Доступ 20 февраля 2024 г.
- БРЕЙНИНГЕР, Ольга. 2014. «Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии». *Новое литературное обозрение* 3. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/127_nlo_3_2014/article/10999/. Доступ 20 февраля 2024 г.
- ЛАЩЕВА, Мария. 2020. «„Когда лечишь людей, хорошо бы совсем выключить писателя“. Интервью нью-йоркского онколога Александра Стесина, который в 2020 году получил литературную премию „НОС“ за роман о своей работе». *Meduza*. <https://meduza.io/feature/2020/02/23/kogda-lechish-lyudey-horoshho-by-ovsem-vyklyuchit-pisatelya>. Доступ 20 февраля 2024 г.
- МАТИЧ, Ольга. 1996. «Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции)». *Russian studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*, Т. 2, 2: 158–179.
- ПОПОВИЧ, Антон. 1980. *Проблемы художественного перевода*. Москва: Высшая школа.
- СТЕСИН, Александр. 2014. «Точка, где я существую». *Новый мир* 5. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/5/tochka-gde-ya-sushhestvuyu.html. Доступ 20 февраля 2024 г.
- СТЕСИН, Александр. 2019. *Нью-Йоркский обход*. Москва: НЛО.
- СТЕСИН, Александр. 2020. *Птицы жизни*. Москва: НЛО.
- СТЕСИН, Александр. 2022. *Троя против всех*. Москва: НЛО.
- ЧЕРНЫХ, Наталия. 2018. «Истории болезней. Пять современных российских писателей-врачей». *Горький*. <https://gorky.media/context/istorii-boleznej/>. Доступ 20 февраля 2024 г.
- FURMAN, Yelena. 2011. “Hybrid Selves, Hybrid Texts: Embracing the Hyphen in Russian-American Fiction.” *The Slavic and East European Journal* 55, 1: 19–37.

ON SOME CHARACTERISTICS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN-WRITTEN ÉMIGRÉ TEXT (BASED ON ALEXANDER STESIN'S WRITINGS)

Summary

This article discusses various approaches to interpreting Russian-written emigre texts, illustrated through examples from the works of Alexander Stesin (*New-Yorkskiy obkhod*, *Ptitsy zhizni*, *Troya protiv vsekh*). Unlike many of his peers who chose to write in the language of their host country (English), Stesin – a poet and prose writer who emigrated from the USSR as a child – creates his main prose works in Russian. His works often thematize the in-between state and challenges of adaptation faced by a Russian-speaking immigrant in North America. The primary focus of this article is the analysis of the manifestations of a distinct split immigrant identity within Stesin's literary texts and the identification of exoticization as a semiotic operation in the construction of these texts.

KEYWORDS: *emigrant literature, emigration from Russia, exoticization, identity, Stesin*